

УДК 101.1:316 (043.3)

БЕЛОРУССКАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ РИСКОВ

В. В. АНОХИНА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проводится анализ соответствия приоритетов реализуемой в Беларуси модели социальной трансформации основным характеристикам национальной ментальности и ценностям культурной традиции. Сравниваются германская, скандинавская и восточноазиатская модели модернизации. Выделяются их плюсы и минусы в плане адаптации данных стратегий развития к белорусским реалиям. Основной тезис статьи состоит в том, что в XXI в. неудача национальной стратегии трансформации может повлечь за собой необратимое прогрессирующее отставание в социально-экономическом развитии страны. Низкая эффективность нынешней трансформационной модели обусловлена не только отсутствием системного стратегического видения будущего, но также несоответствием практики реформ объективным вызовам времени и особенностям национального менталитета. Успех модернизации в эпоху поздней современности во многом определяется ее технико-технологическими и социально-экономическими параметрами, однако не менее важным является их соотнесенность с динамикой ожиданий граждан, новыми формами их идентичности, а также соразмерность социокультурных приоритетов модернизации аксиологической структуре этнокультурной традиции.

Ключевые слова: социальная трансформация; модернизация; глобализация рисков; национальный менталитет; культурная традиция.

BELARUSIAN SOCIAL TRANSFORMATION MODEL IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION OF RISKS

V. V. ANOHINA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The main purpose of this article is to analyze the correspondence of the priorities of the social transformation model implemented in Belarus to the basic characteristics of the national mentality and the traditional values. It compares the German, Scandinavian and East Asian models of modernization, emphasizes their pros and cons in terms of adapting these development strategies to the Belarusian realities. Thus, a primary thesis of the article is that, in the XXI century, the failure of the national transformation strategy may entail a progressive lag in the country's socio-economic development. The low efficiency of the current transformation model is due not only to the lack of systemic and strategic vision, but also to the inadequacy of the reforms to the objective challenges of time and the peculiarities of the national mentality. Of course, the success of modernization in the era of late modernity is largely determined by its technical, technological and socio-economic parameters. However, no less important is their relevance to the dynamics of citizens' expectations, new forms of their identity, and its accordance to the axiological structure of the ethno-cultural tradition.

Key words: social transformation; modernization; globalization of risks; national mentality; cultural tradition.

Образец цитирования:

Анохина В. В. Белорусская модель социальной трансформации в условиях глобализации рисков // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 1. С. 41–52.

For citation:

Anohina V. V. Belarusian social transformation model in the context of globalization of risks. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 1. P. 41–52 (in Russ.).

Автор:

Виктория Валентиновна Анохина – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Victoria V. Anohina, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences. dr.v.anohina@gmail.com

Социальная трансформация белорусского общества, выходящего из обусловленного развалом СССР системного кризиса, началась вместе с третьим тысячелетием и совпала по времени с принципиально новым этапом глобализации. Его специфику удачно определил У. Бек, назвав этот период фазой «разлома *внутри* модерна, отделяющегося от контуров классического индустриального общества и обретающего новые очертания <...> (индустриального) “общества риска”» [1, с. 4]. Новое качество рисков обусловлено изменением функционального статуса современной техники, а также сменой характера организации научной деятельности, появлением новых форм институциональной связи науки с обществом (У. Бек, Г. Бехманн, Э. Гидденс, Н. Луман, В. С. Стёпин и др.). Поскольку вместе с усложнением техносферы возрастает скорость социальных изменений, а также степень неопределенности будущего, в условиях которой приходится принимать социально значимые решения, риски, возникающие из характера новейших технологий, проистекают также из специфики использования науки для их просчета и минимизации.

Характеризуя возрастающую рискогенность поздней современности, известный немецкий исследователь Г. Бехманн указывает, что «не цели, мотивы или интересы, связанные с использованием техники, создают ее сегодняшние проблемы, а само функционирование вызывает новую проблемную ситуацию» [2, с. 136]. Современная политика уже не может обходиться без научного прогнозирования или проигрывания «возможных сценариев технического развития, некоторые из которых могут быть реализованы, а другие предотвращены с целью уменьшения риска для общества и будущих поколений» [2, с. 138]. Одновременно, ориентированная на решение сложных междисциплинарных проблем постнеклассическая наука, подчиняясь логике проектной организации исследований, выходит за рамки собственного поля, погружается в политику и становится частью институтов социальной экспертизы и принятия политических решений. В результате эпоха позднего модерна ставит перед институтом национального государства особые превентивные задачи, связанные с необходимостью долгосрочного планирования, «которое должно относиться к предвосхищению новых технических возможностей, к расчету и устранению рисков. Чтобы правильно решить эти задачи, государство должно мобилизовать достаточный научно-технический потенциал. Возникает тесная связь науки и политики <...> в форме *социальной оценки техники* как вида научно-технически-политического консультирования» [2, с. 138].

Таким образом, если приоритеты раннего модерна предполагали создание необходимых институ-

туциональных условий для достижения социального равенства и справедливости, создания общества с высоким уровнем социальной защищенности населения, то в условиях позднего модерна центральным вопросом является проблема глобализации рисков, их определения, минимизации и контроля. Модернизация становится предметом профессионального прогнозирования и проектирования, превращается в технологию социального конструирования будущего, своеобразный политический инжиниринг, олицетворяющий не столько власть, сколько возрастающую ответственность модернизационных элит.

Перечисленные выше особенности новой фазы глобализации, определяющей вызовы позднего модерна, погружают Беларусь, подобно другим странам посткоммунистического транзита, в особую историческую ситуацию, в которой выбор приоритетов развития начинает определяться не только параметрами экономической эффективности и социально-политической устойчивости, но и вопросами глобальной безопасности.

Обретение Беларусью государственной независимости в 1991 г. поставило общество и политические элиты перед необходимостью определить стратегический вектор преобразований. Выбор приходилось делать в реальных, а не воображаемых геополитических, экономических и экологических условиях, которые не были благоприятными для страны. Достаточно вспомнить, что суммарный ущерб, нанесенный Беларуси чернобыльской катастрофой в расчете на 30-летний период преодоления ее последствий составил 235 млрд долл., что соответствовало 32 бюджетам республики доаварийного периода. В структуре бюджета 12 % было связано с потерями из-за выведения из использования ряда народно-хозяйственных объектов, 82 % составляли расходы, связанные с минимизацией последствий катастрофы, а 6 % означали упущенную выгоду [3, с. 4].

Социально ориентированная экономическая модель трансформации, разработанная белорусскими экспертами, в качестве стратегии перехода предусматривала опору на ряд основополагающих принципов:

- 1) смешанный тип экономики, взаимодействие разных форм собственности с тенденцией к ассоциативности;
- 2) сочетание рыночных и государственных механизмов регулирования;
- 3) социальная ориентация экономики, главным критерием которой является не столько эффективность и рост, сколько поддержание социальной устойчивости;
- 4) принцип экологической ответственности [4, с. 20–21].

В качестве базовых параметров этой модели были провозглашены открытый, рыночный тип эко-

номики, ее социальная ориентированность, демократический характер государства, опирающегося на принцип верховенства права, достижение устойчивости социально-экологического развития за счет рационального природопользования и повышения качества окружающей среды [5].

Стратегия модернизации Беларуси, ядром которой стало построение открытой социально ориентированной экономики с постепенным переходом к инновационному обществу постиндустриального типа, разрабатывалась с учетом сравнительного анализа нескольких альтернатив. В качестве привлекательных образцов выступали:

- германская (или рейнская) [6–11];
- скандинавская (или шведская) модели государства благосостояния [12–19];
- восточноазиатская (или конфуцианская) модель, восходящая к теории «гусиного клина» японского экономиста К. Акамацу, иногда именуемая *developmental state* («государство, ориентированное на развитие») [6; 20–23].

Германская модель модернизации (с незначительными различиями апробированная в таких странах, как ФРГ, Австрия, Швейцария, Бельгия, Швеция, Япония) опиралась на:

- 1) наличие «индивидуальной свободы и развитость конкуренции как условий реализации рыночных механизмов»;
- 2) социальную политику, опирающуюся на «компромиссные решения разных социальных групп и на прямое участие государства в социальном обеспечении граждан»;
- 3) «государственное регулирование антициклического и антиинфляционного порядка»;
- 4) «осуществление принципа социального партнерства»;
- 5) последовательную реализацию «социальной защиты за счет бюджетных и внебюджетных фондов» [24, с. 158].

Согласно А. Мюллеру-Армаку, ценностными приоритетами германской модели трансформации были социальная справедливость и свобода как составные части будущего социального порядка в послевоенной Германии [25, с. 304–314]. В качестве основных для этой модели Л. Эрхард выделял следующие характеристики:

- 1) баланс между рыночной эффективностью и социальной справедливостью;
- 2) активная поддержка государством рыночной конкуренции за счет создания единых «правил игры»;
- 3) компромиссы и предоставление социальных благ как механизмы проведения государством активной социальной политики;
- 4) стимулирование экономических, технико-технологических, научных и других инноваций;
- 5) проведение рациональной и сбалансированной структурной политики;

6) широкое использование принципов социального партнерства [11, с. 95–116].

Высоко оценивая роль социальной экономики в развитии западноевропейских государств конца XX в., М. Альбер противопоставлял «рейнский капитализм» неолиберальной модели американского капитализма, подчеркивая, что благодаря «встроенной» социальной политике, ориентации на инновации, бесплатному обучению и децентрализованной системе размещения производств, рейнская модель обладает значительными преимуществами в противодействии социальному неравенству, обеспечивая высокий уровень социальной безопасности [6, с. 105–178; 9, с. 60–63].

Важнейшей особенностью данной модели, определившей ее привлекательность для Беларуси, было утверждение о том, что государственное вмешательство в экономику призвано обеспечивать синтез между свободным и социально обязательным общественным строем. Благодаря такому вмешательству успехи экономического роста, рационализация производства и повышение производительности труда могут идти на благо народа, а не только на благо бизнеса. Возможность использования подобной парадигмы социальной трансформации как образца для Беларуси подтверждалась наличием определенных предпосылок для успешного проведения реформ. В числе конкурентных специалисты выделяли следующие преимущества:

- 1) качественные «трудовые ресурсы с высоким образовательным уровнем и хорошей профессиональной подготовкой»;
- 2) «значительный, сохраненный и развивающийся научный потенциал»;
- 3) «выгодное географическое положение в виде “моста” между европейскими и азиатскими странами и экономиками»;
- 4) «развитый производственный потенциал как основа для умножения кооперационных связей с другими странами»;
- 5) «наличие в ряде отраслей новых и высоких технологий» [26, с. 377].

Специфику *скандинавской модели модернизации* составляет более выраженная степень социальной ориентированности экономики (низкий уровень безработицы, отсутствие резкой экономической поляризации социальных групп) и социальной защищенности населения (высокий уровень доходов, пенсий, пособий и др.), что обеспечивается посредством перераспределения значительной части ВВП на основе дифференцированных налоговых механизмов [27, с. 20]. Аналитики выделяют три базовых принципа скандинавской модели:

- государственности;
- универсализма;
- равенства [13, с. 2–3].

Рассмотрим, в чем заключается специфика этих принципов.

Принцип государственности. Во второй половине XX в. скандинавские государства формировались как политические «агентства, посредством которых общество может реформировать себя» [17, с. 48]. Государство, опирающееся на децентрализованную систему политической власти и институциональную структуру, глубоко интегрированную в гражданское общество, осуществляет масштабное делегирование полномочий местным властям. Государственная система скандинавских стран, включающая в структуру политических институтов сильные элементы социального гражданства (церковные и муниципальные общины, добровольные общественные организации и др.), основана на идеологии социального равенства, партнерства и компромисса. Финансирование обширных социальных программ, направленных на ликвидацию безработицы и поддержку всех слоев населения, осуществляется посредством перераспределения налогов с активным участием местных органов власти. Это делает государство близким для простых людей, а налогообложение – социально легитимным. В совокупности такие качества скандинавской модели государства определяют высокий уровень социального доверия, а также политической, правовой и гражданской культуры населения, легко мобилизуя его на проведение необходимых преобразований.

Принцип универсализма в структуре скандинавской модели означал, что социальные права и социальная поддержка государства распространяются на все без исключения слои общества. Бесплатные социальные услуги и финансовая помощь не должны быть ориентированы только на неимущих. Суть идеи общества благосостояния в скандинавской интерпретации сфокусирована на принципе «всеобщего благосостояния». Как подчеркивал датский социолог Г. Эспинг-Андерсен, когда все получают помощь, каждый чувствует себя обязанным платить налоги [14, с. 149]. Такая универсалистская модель позволила скандинавским странам успешно пройти этап национального строительства, консолидировав все слои населения и укрепив их гражданско-национальную идентичность. Как показали исследования норвежских политологов Ш. Кунли и Н. Килдал, универсализм продемонстрировал социальную эффективность политики, с точки зрения которой каждый должен быть защищен, поскольку богатые и бедные в равной мере подвержены современным рискам модернизации. Она не только позволила преодолеть опасность социальной сегрегации, роста неравенства и классовой неприязни, но и дала возможность сплотить общество за счет выравнивания различий [16, с. 15–23].

Принцип равенства вытекает из сочетания двух указанных выше особенностей скандинавской модели. В целом, как показали результаты работ финских и шведских аналитиков Ш. Рингена, Х. Ууси-

тало, Й. Фритцелла и У. Лундберга, относительное социальное равенство является историческим наследием скандинавских обществ, социально-классовая структура которых еще в начале XX в. характеризовалась отсутствием бедности и ярко выраженными различиями в доходах, сильным положением крестьянства на фоне слабого социально-правового статуса помещиков, доступностью рынка труда для представителей рабочего класса, а также легкостью их доступа к участию в законодательной деятельности [15, с. 164–185; 19, с. 69–91]. Кроме того, как утверждают М. Алестало и П. Флора, скандинавские общества всегда демонстрировали высокий уровень гендерного равенства. Благодаря щедрым социальным пособиям на детей, широкой доступности детских садов и других государственных услуг по их воспитанию, а также устойчивому положению женщин в системе занятости сегодня с известной долей юмора можно сказать, что «скандинавские мужчины освободились от тирании рынка труда, а скандинавские женщины – от тирании семьи» [12, с. 54–55].

Сравнительный анализ немецкой и скандинавской моделей показывает, что наиболее востребованным вариантом модернизации для белорусского общества была ориентация на синтез этих концепций социальной экономики. Ценностные параметры моделей созвучны таким особенностям менталитета белорусов, как хозяйственный рационализм, уважение достоинства личности, религиозная и социокультурная толерантность, ориентация на локальность, любовь к малой родине (отсутствие имперских амбиций и экспансионизма), трудолюбие, стремление к семейному благополучию, уважение к старикам и женщинам, стремление следовать традициям, ориентация на непосредственные формы социального взаимодействия и установление тесного круга локальных социальных связей (семейных, соседских, общинных).

Белорусы, имеющие в этногенезе значительный балтский компонент, долгое время проживали в составе государств (ВКЛ и Речь Посполитая), в социальной структуре которых купеческое и ремесленное (включая инженерное дело) сословия были представлены немецкими, голландскими и шведскими переселенцами. В результате у белорусов сформировались толерантность к представителям разных христианских конфессий (католикам, лютеранам, кальвинистам, униатам и др.) и открытость европейским ценностям. Подобно представителям скандинавской культуры, белорусы неодобрительно относятся к богатству, развивающемуся на фоне нищеты, а также не приемлют резких контрастов в образе жизни и доходах населения, не выносят социальной сегрегации и дискриминации, с уважением относятся к женщинам, ориентированы на принципы социального и гендерного равенства. Благодаря историческому опыту «сарматской»

демократии, крестьянской «талакі» как народной формы общественной самоорганизации национальный менталитет белорусов исторически предрасположен к развитию демократических структур местного самоуправления. Перечисленные особенности культурной традиции белорусов, отсутствие в национальном характере агрессии и авантюризма, высокий уровень дисциплинированности и ответственности, а также прагматизм и бережливость, столетиями воспитываемые в психологии крестьянства, могли стать прочным социально-психологическим основанием продвижения политики реформ, осуществляемой по скандинавской и/или германской модернизационным моделям.

Следует отметить, что эксперты в период разработки стратегии трансформации белорусского общества неоднократно проводили социологические замеры ожиданий, ценностных ориентаций и поведенческих стереотипов населения страны с целью определения тактики реформ. Как отмечает профессор А. И. Зеленков, в начале 2000 г. на вопрос о том, как быстро следует совершать демократические преобразования в обществе, 17 % респондентов отвечали, что их нужно проводить как можно быстрее, а 29 % предпочли постепенный, эволюционный характер преобразований. Отмечая, что «в большинстве своем общество солидарно только в отношении необходимости проведения реформ», в то время как скорость «их осуществления, масштаб, направленность представляют собой проблемы, по поводу которых существуют весьма противоречивые мнения в различных социальных слоях», ученый подчеркивает высокую степень неопределенности образов будущего на тот момент [28, с. 61].

Такая амбивалентная ситуация в общественном сознании белорусов в конце 1990-х гг. давала шанс политическим элитам готовить массовое сознание к принятию конкретной стратегии преобразований, консолидируя граждан вокруг той или иной системы приоритетов. К тому времени были разработаны возможные сценарии социальной трансформации белорусского социума. Первый сценарий, или «программа “тактической модернизации”», предполагал акцент на технологиях «эволюционного и постепенного совершенствования локальных (прежде всего экономического) секторов белорусского общества», его важнейшей целью было не допустить в социально-экономической системе страны «доминирования принципиальных дисфункций и уберечь ее от деструктивного системного кризиса» [28, с. 61–62]. Вторым сценарий – либерально-демократический – был ориентирован на системную трансформацию общества в сочетании с «требованиями формирования правового государства, гражданского общества и гарантий свободы личности в основных сферах функционирования социума» [28, с. 62].

Вместе с тем последствия системного кризиса первого постсоветского десятилетия создавали сложное сочетание факторов, ограничивающих пространство маневра. Как подчеркивает А. И. Зеленков, при выборе конкретной модели трансформации учитывались «возможности и границы аккумуляции социального напряжения в сознании различных страт и слоев белорусского общества» [28, с. 63]. Большинство жителей Беларуси не принимало политику «шоковой терапии», бесконтрольной приватизации российского образца и социальный опыт знаменитых 1990-х гг. Население, ментально не склонное к недооценке рисков (действию «на авось»), поддерживало ориентацию на постепенный переход к новым формам рыночной экономики, плавность которого могла бы, согласно представлениям значительной части белорусов, гарантировать более справедливое распределение без резкого ухудшения благосостояния людей.

Привлекательность парадигмы стабильности как ключевой ориентации белорусского транзита определялась необходимостью, во-первых, нащупать баланс между развитием ориентированных на экспорт отраслей экономики, созданием для них определенных институциональных преимуществ и обязанностью государства предотвратить резкий упадок неконкурентного на внешних рынках отечественного производства; во-вторых, не допустить обвальное банкротство национальных производителей, которое могло привести к структурным деформациям национальной экономики и усилению ее финансовой и технико-технологической зависимости от глобальных транснациональных компаний, Международного валютного фонда и других внешних игроков, но вместе с тем сформировать благоприятный инвестиционный климат, создать современную правовую и коммуникационную инфраструктуры, обеспечивающие условия для развития бизнеса и роста среднего класса; в-третьих, сохранить суверенитет при наличии мощного давления со стороны противостоящих друг другу геополитических блоков и обеспечить условия для интеграции национальной экономики в продуктивные социально-экономические региональные союзы. В результате стабильность стала своеобразным брендом белорусской модели социальной трансформации.

Следует отметить, что в понимании разработчиков данной стратегии принцип стабильности не означал консервацию отсталости, но подразумевал поэтапность проведения реформ, их последовательный характер с максимально возможным сохранением социальных гарантий населения и координационно-управляющих функций государства [24, с. 159]. Цели модернизации, требующей перехода к инновационному обществу постиндустриального типа, предполагали достижение открытого характера белорусской экономики, преодоление

стагнации, характерной для изжившей себя советской командно-административной хозяйственной системы. Решение такой задачи позволило бы максимально эффективно использовать географическое положение Беларуси, обеспечить будущую интеграцию страны в мировую систему экономических взаимодействий.

Однако разработка стратегии социальной трансформации потребовала, наряду с определением парадигмы стабильности, конкретизации *параметров перехода*. Необходимость формирования открытого общества в условиях глобализации рисков поставила политические элиты Беларуси перед весьма сложной задачей, связанной с наличием, на первый взгляд, взаимоисключающих условий. С одной стороны, в эпоху глобализации ни одна из национальных экономик не может долго оставаться закрытой, а с другой – она не может быть абсолютно открытой в силу приоритетности национальных интересов. Соображения социальной, экономической и политической безопасности, направленные на защиту интересов государства в условиях активных форм глобального империализма, предполагали отказ от таких путей трансформации, которые могли привести к автоматическому снятию всех ограничений на транснациональные потоки капитала, товаров, услуг и ресурсов, проходящие сквозь социальное пространство страны.

Для понимания глубины противоречий, требующих разрешения в ходе модернизации, необходимо обратить внимание на следующие аспекты проблемы. Во-первых, открытое общество может сохранять устойчивость в нестабильном мире только при условии наличия уже развитой консолидированной демократии, а также сложившейся системы массовых партий, представляющих интересы основных групп населения и обеспечивающих, как обоснованно показал С. Хантингтон, не только эффективную канализацию социальных конфликтов, но и вовлечение широких масс населения в легальную, конструктивную политическую деятельность [29]. В посткоммунистической Беларуси такие институты пребывали в зачаточном состоянии, в связи с чем геополитические турбулентности могли легко дестабилизировать общественную жизнь и сорвать модернизационные реформы.

Во-вторых, перед открытой экономикой всегда стоят угрозы лавинообразного нарастания зависимости от импорта технологий, утечки «мозгов» и капитала, попадания в зависимость от экспорта ресурсов (например, от «нефтяной иглы»), угрозы информационной безопасности и др. Иными словами, социальная трансформация белорусского общества предполагала одновременное решение разнонаправленных задач, успешность которого зависела от возможностей элит сохранять подвижное и управляемое динамическое равновесие в политике преобразований.

Основной опасностью такого маневрирования была возможность долгосрочного переключения политики с последовательного углубления реформ и модернизации социальных институтов на простой и знакомый с советских времен переход в фазу консервации транзитивных структур за счет укрепления механизмов политического контроля и централизации управления. Амбивалентность парадигмы стабильности требовала от властвующих элит особых политических компетенций, стратегического видения и высокого уровня социальной ответственности за будущее страны. Приняв в первом десятилетии XXI в. курс на поэтапный переход к социально ориентированной рыночной экономике, политические элиты подтвердили социокультурный запрос большинства белорусских граждан на сбалансированность и плавность осуществляемых преобразований, их обоснованность и социальную контролируемость. Стратегия трансформации была ориентирована на укрепление белорусской государственности и создание централизованных политико-правовых институтов, позволяющих осуществлять управляемый переход к рынку.

Следует отметить, что 20 лет трансформации имели ряд впечатляющих успехов. Как справедливо отмечает академик В. Г. Гусаков, «страна проделала путь от “сборочного цеха” в составе СССР до современной экономики, нацеленной на экспорт. <...> Занимая только 86-е место в мире по площади территории и 90-е место по общей численности населения, что по удельному весу в мировом сообществе составляет 0,15 и 0,1 % соответственно, Беларусь формирует определенную “нишу” в мировой экономике, по ряду параметров демонстрируя гораздо более высокие рейтинговые позиции. Так, удельный вес республики в мировом ВВП (по паритету покупательной способности – ППС) составляет 0,18 %, а вклад в мировой экспорт еще более весом – 0,24 % по итогам 2011 г., что в два с лишним раза превышает результат 2000 г. (0,11 %). Согласно данным Всемирного банка за 2012 г., по показателю доли экспорта товаров и услуг в ВВП Беларусь занимает 13-е место в мире» [3, с. 4].

Вместе с тем за эти годы тактические ошибки в реализации принятой стратегии развития привели к ряду структурных деформаций в социальном организме страны. Торможение процессов модернизации, определенная пробуксовка в реализации белорусской модели социально-экономического развития во втором десятилетии XXI в. обусловлены комплексом причин.

Как неоднократно отмечали специалисты, наша экономика уже с 1998 г. находится под прессом негативных факторов глобального порядка, таких как мировые финансовые кризисы (азиатский 1998 г., американский 2008 г. и др.), порождаемые спекулятивным характером глобальных финансовых трансакций, и падение цен на энергоносители.

Кроме того, начинает сказываться ряд структурных проблем национального развития, включая дефицит бюджета, платежного баланса, низкий процент зарубежных инвестиций, отсутствие реальных источников финансирования социальных программ, низкую рентабельность продаж в организациях промышленности, неконкурентоспособность многих отраслей производства на мировых рынках и др. [27, с. 21–22]. Если говорить о социально-экономических диспропорциях и проблемах, то можно согласиться с выводом о том, что «на сегодняшний день основной проблемой на пути устойчивого развития Беларуси является недостаточная интегрированность белорусской экономики в глобальные процессы» [3, с. 6]. Речь идет о таком качестве интеграции, которое формируется не количественными показателями экспорта-импорта, а конкурентоспособностью страны на мировых рынках.

Анализ механизмов реализации выбранной стратегии показал, что несмотря на привлекательность немецкого и скандинавского вариантов, политические элиты страны, спасавшиеся перед трудностями демократического строительства, в большей степени воспользовались восточноазиатской моделью модернизации. Последнюю отличает не просто ведущая роль государства в планировании и осуществлении реформ, но и сосредоточение в его руках всей полноты экономической власти, независимость аппарата управления от основной массы населения и происходящих в обществе социальных процессов, тесная связь государства и бизнеса.

Значимость данного образца для белорусского социума определялась соображениями о том, что приводные ремни государственной власти могут быть использованы для проведения структурных преобразований и технологической модернизации страны, достижения самоподдерживающегося экономического роста, институциональной модернизации. Механизмами трансформации должны были стать следующие факторы: создание устойчивого монетарного равновесия, предотвращение массовой безработицы и роста неравенства в доходах, стимулирование импорта технологий и экспорта готовой продукции, гибкая таможенная политика, направленная на защиту внутреннего рынка, установление дифференцированных процентных ставок и монополии определенных производителей. Важнейшим достоинством этой модели, частично апробированной в Беларуси, можно считать отсутствие «шоковой терапии», сохранение рабочих мест и постепенность осуществляемых реформ как гарантии социальной стабильности.

Вместе с тем эффективность конфуцианской модели предполагает следующие обязательные условия:

1) интеграцию в глобальную экономическую систему;

2) неограниченный объем дешевой рабочей силы, ставший одним из факторов успеха модернизации в странах Восточной Азии;

3) «семейно-корпоративную», этнически дифференцированную форму ведения бизнеса, устанавливающего тесные родственные связи с политической элитой;

4) нивелировку индивидуально-личностного начала;

5) опору на ценности конфуцианской трудовой этики.

Белорусское общество не могло успешно реализовать данную модель в силу ряда структурных и ценностно-мировоззренческих несоответствий. Прежде всего, белорусские политические элиты не сумели успешно воспользоваться опытом восточноазиатских экономических преобразований отчасти потому, что долгое время с подозрением относились к идее глобализации. Характеризуя слабость экономических стратегий государств, ориентированных на самообеспечивающий тип экономического производства, присущий ранним формам индустриализма, известный японский экономист К. Омаэ писал: «Когда благополучие обществ зависит от их безопасной и уверенной способности использовать собственные ограниченные природные ресурсы, их национальный интерес понятен: защитить эти ресурсы, при необходимости посредством военной силы, а также контролировать их потребление. Но, <...> в современной экономике, основанной на знаниях, страны, которые продолжают определять свои интересы преимущественно в этих терминах, <...> страдают от того, что я называю “ресурсной иллюзией”. Во имя защиты своих национальных интересов, они отгораживаются стеной от самых мощных двигателей роста» [23, с. 60].

Кроме того, в отличие от конфуцианских локомотивов модернизации, Беларусь не имела развитой системы землячества в эмигрантской среде, численность которой ничтожно мала по сравнению с китайскими хуацяо на Западе. К тому же белорусские эмигранты в большинстве не являются представителями крупного и даже среднего бизнеса, поэтому Беларусь не могла рассчитывать на значимый поток иностранных инвестиций в развитие национальной экономики за счет активизации финансовых и культурных ресурсов национальной эмиграции, как это сделали Китай, Япония и Южная Корея.

Негативный эффект данного обстоятельства был усилен доминантой партикулярных бюрократических интересов над ценностью «общего блага» в политике реформ. Сравнивая преимущества и недостатки восточноазиатской модели для Беларуси, нельзя не согласиться со следующим утверждением К. Омаэ: «Рост зависит от интеграции в мировую экономику, а не от умения держаться от нее подальше. Он определяется установлением и мобилизацией

ей трансграничных экономических связей, создающих добавочную стоимость, а не стремлением во имя “национального интереса” заклеить эти связи как оскорбляющие прерогативы национального суверенитета. <...> Решение в пользу автономного национального государства в условиях ограниченности ресурсов предполагает игру с “нулевой суммой”. Модель автономии регионов, открытых для мировой экономики, – это игра с прибылью (*plus-sum*), поскольку в этом случае богатства привносятся извне. Все больше и больше, однако, принцип “национального интереса” начинает использоваться как прикрытие для защиты особых интересов, а вовсе не интересов народа» [23, с. 62].

Далее, исходя из аксиологических оснований национальной традиции и гуманистических ценностей христианской культурно-цивилизационной парадигмы, белорусское общество негативно воспринимает отождествление ценностей экономического успеха с самоцелью общественного развития, достигаемой любой человеческой ценой (ведь именно этот момент был ключевым в вопросе отрицания белорусским населением «шоковой терапии»). В то время как конфуцианская стратегия принимала различные формы социальной дискриминации (дешевый женский и детский труд, запрет на профсоюзные объединения и любые формы борьбы в защиту прав рабочих), используя в качестве важнейшего конкурентного ресурса дешевой рабочей силы, постоянно прибывающей в города из сельской местности.

Немаловажным обстоятельством является отсутствие в этнокультурной традиции белорусов ценностных ориентаций, аналогичных по своей мотивирующей силе установкам и принципам конфуцианской трудовой этики. Аксиологическому строю белорусской ментальности не присущи ценности корпоративного коллективизма. В нем наблюдается доминирование сельского традиционализма, социально-психологическая предрасположенность к локальному индивидуализму и солидарно-общинному патернализму. Эти особенности определили отсутствие экстраординарной мотивации к труду в условиях низкой заработной платы и падение уровня социальной мобилизации.

Несмотря на то, что белорусы достаточно трудолюбивы и характеризуются относительно высокой степенью дисциплинированности, они не обладают необходимым потенциалом социального и предпринимательского активизма, который в сочетании с высокой степенью трудолюбия, индивидуализма, предприимчивости, протестантским аскетизмом, честностью и пунктуальностью, мог бы стать основанием расцвета предпринимательской культуры в период посткоммунистической трансформации. Однако белорусам с их склонностью к аграрному, общинно-патерналистскому типу социальности все же не присущ азиатский корпоративизм, замешанный на традиционно кон-

фуцианской, вертикально-иерархической культуре семейно-клановых отношений с ярко выраженными гендерными доминантами и низкой ценностью личного начала.

Как подчеркивает Д. Перкинс, в политических системах Восточной Азии отсутствуют эффективно функционирующие институты правового государства и независимого суда, а традиционным заменителем права, создающего условия безопасного ведения бизнеса, становятся «доверительные межличностные отношения, основанные на семейных узах, а также на связях, выходящих за пределы семьи» [20, с. 208]. Анализ конфуцианских форм модернизации, проведенный К. Г. Мюрдалем, показал, что проблемой успешной модернизации ряда восточноазиатских стран является укорененный в национальной ментальности статус бюрократа – чиновника, наделенного правом действовать по своему усмотрению в пределах руководимой им отрасли [22, с. 951–952]. В условиях отсутствия развитого гражданского общества и политико-правовой инфраструктуры такое положение чиновника легко порождает лавинообразно нарастающую бюрократизацию управления, способствует появлению коррупции, сращиванию бизнеса и административных структур, препятствуя эффективному развитию экономики. Предприниматель скорее ориентируется на установление личных контактов с представителями власти, чем на объективные требования рынка и рост производительности труда. В восточноазиатском контексте отношения между предпринимателями и государственными чиновниками всегда были основаны на личных связях, в которые вмешивался родственный контекст. Д. Перкинс отмечает: «Конфуцианская система устанавливает строгую иерархию как внутри семьи, так и в ее взаимоотношениях с внешними властями вплоть до императора. Данная система по сей день остается центральным компонентом китайской, корейской и японской культур» [20, с. 208].

Экономическая эффективность такой социальной организации бизнеса амбивалентна. С одной стороны, конфуцианская модель деловой жизни позволила Китаю, Японии и восточноазиатским «тиграм» быстро преодолеть сложные этапы модернизации, обеспечив в течение более 30 лет широкомасштабные инвестиции в развитие новых производств [20, с. 215]. Однако сильная сторона конфуцианской деловой культуры имеет свои теневые стороны, среди которых Д. Перкинс называет два обстоятельства:

- зависимость финансовой стабильности азиатских банков от правительственной помощи, на которую по умолчанию рассчитывают банкиры, совершая рискованные операции;
- относительная непрозрачность хозяйственной системы этих стран для глобальной экономики в силу отсутствия единого правового пространства для ведения бизнеса [20, с. 218–219].

Белорусским элитам не удалось полностью избежать основной ловушки восточноазиатской стратегии модернизации – неспособности построить эффективную с точки зрения решения задач экономического развития систему функционирования государственного аппарата, которая могла бы препятствовать развитию двух негативных тенденций, связанных с иерархической централизацией функций управления: коррупции и бюрократизации. Если частичная реализация восточноазиатской модели в белорусском опыте социальной трансформации не могла реализовать ее преимуществ в силу отсутствия необходимых социальных ресурсов и культурно-цивилизационных оснований, то теневые стороны данной стратегии проявились в форме развития «серых» сфер экономики, коррупции, возникновения тесной связи бюрократии и бизнеса, жесткой регламентации экономической деятельности, препятствующей становлению предпринимательского активизма и снижающей степень благоприятности инвестиционного климата.

Чрезмерное усиление роли государства, сопрягающегося с крупным бизнесом, входит в прямое столкновение с теми ментальными особенностями белорусского народа, которые определили принятие идеи социально ориентированной экономики, принципов социального партнерства, предполагающих «равноправные и равноответственные отношения между нанимателями, работниками и государством» [24, с. 160]. Переход на контрактную систему найма, сворачивание профсоюзной деятельности и многие другие изменения в трудовом и социальном законодательстве страны привели к забвению основных принципов социально ориентированной экономической модели, а именно:

- 1) «всеобщего уважения общепринятых законов, партнерские взаимодействия государства и рыночных структур»;
- 2) «свободы экономической деятельности»;
- 3) «устойчивости экономического роста как материальной базы всеобщего и справедливого благосостояния»;
- 4) «оптимальной занятости»;
- 5) «установления социальных гарантий... равных для всех социальных слоев возможностей»;
- 6) «социальной справедливости и социальной защиты для всех слоев населения»;
- 7) «сохранения социального мира... на основе своевременного переговорного разрешения противоречий между социальными группами» [24, с. 160].

В данном контексте необходимо подчеркнуть, что принимаемая за основу трансформации модель открытой социально ориентированной экономики формировалась отечественными учеными с учетом ценностных ориентаций белорусского населения, с пониманием необходимости сохранения исторических и социально-культурных основ нашего общества. В качестве таких аксиологических параметров в начале процесса трансформации вы-

ступали следующие характеристики национальной ментальности: «общинные, коллективные начала; развитое чувство социальной справедливости; толерантность и “памяркоўнасць”; трудовые ценности ориентиры; многонациональность и своеобразие культур разных народов; ориентация на сочетание материального и духовного начал и благ; развитое чувство ответственности за судьбу Отечества» [26, с. 374]. И, как справедливо подчеркивает Э. А. Лутохина, «неучет, игнорирование такого рода особенностей чреваты тяжкими последствиями не только для реализации реформ, но и кризисными явлениями вплоть до разрушения этноса. Учет же названных выше черт белорусского народа ставит заслон таким негативам рыночного типа системы, как беззастенчивая эксплуатация, эгоцентризм, массовая безработица» [26, с. 374].

Ориентация на социальную справедливость и безопасность, столь близкая белорусскому сознанию, в корне не свойственна азиатской модели развития, как и азиатской культуре в целом. Характерно, что японские экономисты, разработавшие концепцию «гусиного клина» как модели «семейного» капитализма современного японского общества, подчеркивают принципиальную разницу западного и азиатского капитализмов, основанную, по их мнению, на различии религиозных традиций [21, с. 26–28, 62–76]. Качественные отличия белорусского и азиатского менталитетов явились одним из решающих факторов невозможности эффективной реализации конфуцианской модели модернизации в нашей стране. Поскольку менталитет формируется в процессе длительной исторической эволюции народа, его содержание вбирает в себя множество различных влияний – природно-географических и социальных, исходящих из коллективного бессознательного и его архетипов, а также из символических оснований традиции. Наряду с комплексом объективных материально-экономических причин, ряд особенностей национальной культуры и психологии народа можно считать источниками замедления темпов перехода к новым формам социально-экономического развития. Во многом в силу действия этих социокультурных факторов белорусская социально-экономическая модель развития, опирающаяся на восточноазиатский образец, не смогла продемонстрировать столь же впечатляющих результатов.

Завершая сравнительный анализ соответствия приоритетов стратегии социальной трансформации белорусского общества культурным традициям, следует отметить, что модернизация Беларуси не может миновать ключевых параметров успеха: структурные изменения в основных отраслях экономики, нацеленные на диверсификацию энергетики и производства, использование новых технологий, экологическую модернизацию на основе принципов *sustainable development*, углубление разделения труда и рост его производительности,

создание динамичных рынков денег, товаров, услуг и рабочей силы, формирование инновационной технологической, коммуникационной и научно-образовательной инфраструктуры. Трудности, с которыми сегодня сталкивается страна, спровоцированы не только давлением внешних факторов, включая вызовы глобализации, но и в значительной мере ценностно-нормативными противоречиями институциональной организации белорусского общества. В связи с этим переход к инновационной экономике, способной вывести Беларусь на качественно новый уровень развития, немислим без глубинных изменений данного измерения общественной жизни.

Выход из кризисной ситуации предполагает направленную динамику нормативных экспектаций, поскольку социальные институты опосредуют связи между ценностными ориентациями субъектов, их мотивами и возможностями, являются факторами, контролирующими поведение людей. Деинституционализация неизбежно будет связана с изменением механизмов социальной интеграции, она потребует перехода от инструментально-прагматических форм рациональности, присущих практикам управления в индустриальном обществе, к коммуникативным формам социального действия, активизирующим символический и нравственно-регулятивный потенциал национальной культуры. Фаза «рефлексивной» модернизации не может

осуществляться по аналогии с «контрмодернизацией» советского образца, основанной на репрессивных механизмах контроля. Темпоральная множественность современных социокультурных пространств предполагает смену механизмов координации социальных действий, возникновение новых форм гражданских объединений и социальных практик.

Коммуникативная рациональность создаст условия для снижения аффективной вовлеченности индивидов в традиционную мотивацию социального действия, позволит критически переосмыслить те паттерны мировосприятия, которые сохранили специфику аграрной культуры. Легитимация «рефлексивного» модерна в Беларуси должна осуществляться в открытой межкультурной коммуникации, предполагающей включение в диалог важнейших цивилизационных центров глобального мира. Сегодня необходим совместный поиск перспективных направлений развития, фундирующих потенциально возможное совпадение интересов различных стран. Вероятно, такие основания будут сформированы общностью рисков, экологических вызовов и технологических угроз, безразличных к культурной специфике населяющих Землю народов. Однако поиск ответов на эти вызовы предполагает актуализацию их уникального культурного опыта, требующего творческого развития в контексте встающих перед нами задач.

Библиографические ссылки

1. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М. : Прогресс-Традиция, 2000.
2. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знания / пер. с нем. А. Ю. Антоновского, Г. В. Гороховой, Д. В. Ефременко и др. М. : Логос, 2010.
3. Гусаков В. Г. Формирование инновационной экономической политики Республики Беларусь // Проблемы упр. 2014. № 1 (50). С. 4–13.
4. Лутохина Э. А., Козловский В. В., Бусько В. Н. Макроэкономика: Социально ориентированный подход / под ред. Э. А. Лутохиной. Минск : Тесей, 2003.
5. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 01.12.2016).
6. Альбер М. Капитализм против капитализма : монография / пер. с фр. Л. С. Горшковой. СПб. : Экономическая школа, 1998.
7. Ойкен В. Основы национальной экономики / пер. с нем. М. : Экономика, 1996.
8. Рыночная демократия в действии: современное политико-экономическое устройство развитых стран / под ред. В. Мау, А. Мордашова, Е. Турунцева. М. : Институт экономики переходного периода, 2005.
9. Социальное рыночное хозяйство. Теория и этика экономического порядка в России и Германии : пер. с нем. / под ред. В. С. Автономова. СПб. : Экономическая школа : Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов : Высшая школа экономики, 1999.
10. Цинн К. Г. Социальное рыночное хозяйство: идея и развитие экономического строя ФРГ : пер. с нем. / под ред. И. М. Лемешевского. Минск, 1994.
11. Эрхард Л. Благосостояние для всех / пер. с нем. М. : Дело, 2001.
12. Alestalo M., Flora P. Scandinavia: Welfare States in the Periphery – Peripheral Welfare States // The Transformation of Europe: Social Conditions and Consequences / ed. by M. Alestalo, E. Allardt, A. Rychard et al. Warsaw : IFiS Publishers, 1994. P. 53–73.
13. Alestalo M., Hort S. E. O., Kuhn S. The Nordic Model: Conditions, Origins, Outcomes, Lessons // Hertie care gov. Work. Pap. 2009. № 41. P. 1–58.

14. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge : Polity Press, 1990.
15. Fritzell J., Lundberg O. Fighting Inequalities in Health and Income: One Important Road to Welfare and Social Development // *Social Policy and Economic Development in the Nordic Countries* / ed. by O. Kangas, J. Palme. London : Palgrave Macmillan, 2005. P. 164–185.
16. Kildal N., Kuhnle S. Normative Foundations of the Welfare State: The Nordic Experience. 1st ed. London : Routledge, 2005. P. 13–33.
17. Korpi W. The Working Class in Welfare Capitalism: Work, Unions and Politics in Sweden. London ; Henley ; Boston : Routledge and Kegan Paul, 1978.
18. Kuhnle S., Hort S. E. O. The Developmental Welfare State in Scandinavia. Lessons for the Developing World [Electronic resource] // *Soc. Policy Dev.* 2004. № 17. URL : [http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/\(httpAuxPages\)/9C6E3A3338E09652C1256D8100457272/\\$file/kuhnle.pdf](http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/(httpAuxPages)/9C6E3A3338E09652C1256D8100457272/$file/kuhnle.pdf). (date of access: 01.07.2016).
19. Ringen S., Uusitalo H. Income Distribution and Redistribution in the Nordic Welfare States // *Int. J. Sociol.* 1990. Vol. 20. № 3. 1992. P. 69–91.
20. Перкинс Д. Законность, семейственность и азиатский способ ведения бизнеса // *Культура имеет значение : антология* / пер. с англ. А. Захарова, под ред. Н. Гаямовой. М. : Московская школа политических исследований, 2002. С. 206–220.
21. Hatch W., Yamamura K. Asia in Japan's Embrace. Building a Regional Production Alliance. Cambridge : Cambridge University Press, 1996.
22. Myrdal G. Asian Drama: An Inquiry in to the Poverty of Nations // *Austrian Q.* Vol. 40, № 4. P. 118–121. DOI: 10.2307/120634250. 1968.
23. Ohmae K. The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies. New York : The Free Press, 1995.
24. Лутохина Э. А. Экономическая система общества: структура, социальная ориентация, белорусская модель. Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2003.
25. Невский С. И. Альфред Мюллер-Армак. Вступительная статья и отобранный текст: Предложения по осуществлению социальной рыночной экономики (1948) // *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков : коллект. моногр. : в 5 т. / редкол. : Г. Г. Фетисов, А. А. Худокормов. М. : Мысль, 2004. Т. 4 : Век глобальных трансформаций / отв. ред. Ю. Я. Ольсевич. С. 304–314.*
26. Макроэкономика: социально ориентированный подход / 2-е изд., перераб. и доп.; под ред. Э. А. Лутохиной. Минск : ИВЦ Минфина, 2010.
27. Коваленко С. А., Мальгина Т. А. Какую модель развития страны выберут белорусы? // *Труд. профсоюзы. О-во.* 2013. № 4 (42). С. 19–24.
28. Зеленков А. Глобализация как социокультурный вызов современной эпохи // *Беларусь – XXI стагоддзе: нацыянальна-культурнае і духоўнае развіццё / рэдкал. : А. Грыцкевіч, Э. Дубянецкі, С. Запрудскі і інш. Мінск : Нацыянальны навукова-асветніцкі цэнтр імя Ф. Скарыны, 2004. С. 45–64.*
29. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2003.

References

1. Beck U. [Risk Society: Towards a New Modernity]. Moscow : Progress-Tradition, 2000 (in Russ.).
2. Bechmann G. [Contemporary Society: Risk Society, Information Society, Knowledge Society]. Moscow : Logos, 2010 (in Russ.).
3. Gusakov V. G. [Formation of the Innovative Economic Policy of the Republic of Belarus]. *Probl. upr.* 2014. No. 1 (50). P. 4–13 (in Russ.).
4. Lutokhina E. A., Kozlovskii V. V., Bus'ko V. N. [Macroeconomics: Socially Oriented Approach]. Minsk : Theseus, 2003 (in Russ.).
5. [The Constitution of the Republic of Belarus (as Amended and Supplemented by Republican Referendums on November 24th, 1996 and October 17th, 2004). URL: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (date of access: 01.12.2016) (in Russ.).
6. Albert M. [Capitalisme contre capitalisme]. Saint Petersburg : Ekonomicheskaya shkola, 1998 (in Russ.).
7. Oyken V. [Fundamentals of the National Economy]. Moscow : Ekonomika, 1996 (in Russ.).
8. Mau V., Mordashova A., Turuntseva E. (eds) [Market Democracy in Action: the Modern Political and Economic Structure of the Developed Countries]. Moscow : Institut ekonomiki perekhodnogo perioda, 2005 (in Russ.).
9. Avtonomov V. S. (ed.) [Social Market Economy. The Theory and Ethics of the Economic Order in Russia and Germany]. Saint Petersburg : Ekonomicheskaya shkola: Saint Petersburg State University of Economics and Finance : Higher School of Economics, 1999 (in Russ.).
10. Zinn K. G. [Social Market Economy: The Idea and Development of the Germany Economic System]. Minsk, 1994 (in Russ.).
11. Erhard L. [Well-being for All]. Moscow : Delo, 2001 (in Russ.).
12. Alestalo M., Flora P. Scandinavia: Welfare States in the Periphery – Peripheral Welfare States. In: Alestalo M., Al-lardt E., Rychard A., et al. (eds) *The Transformation of Europe: Social Conditions and Consequences*. Warsaw : IFiS Publishers, 1994. P. 53–73.
13. Alestalo M., Hort S. E. O., Kuhnle S. The Nordic Model: Conditions, Origins, Outcomes, Lessons. *Hertie care gov. Work. Pap.* 2009. No. 41. P. 1–58.
14. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge : Polity Press, 1990.
15. Fritzell J., Lundberg O. Fighting Inequalities in Health and Income: One Important Road to Welfare and Social Development. In: Kangas O., Palme J. (eds) *Social Policy and Economic Development in the Nordic Countries*. London : Palgrave Macmillan, 2005. P. 164–185.

16. Kildal N., Kuhnle S. Normative Foundations of the Welfare State: The Nordic Experience. 1st ed. London : Routledge, 2005. P. 13–33.
17. Korpi W. The Working Class in Welfare Capitalism: Work, Unions and Politics in Sweden. London ; Henley ; Boston : Routledge and Kegan Paul, 1978.
18. Kuhnle S., Hort S. E. O. The Developmental Welfare State in Scandinavia. Lessons for the Developing World. In: *Social Policy and Development* 2004. No. 17. URL : [http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/\(httpAuxPages\)/9C6E3A3338E-09652C1256D8100457272/\\$file/kuhnle.pdf](http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/(httpAuxPages)/9C6E3A3338E-09652C1256D8100457272/$file/kuhnle.pdf). (date of access: 01.07.2016).
19. Ringen S., Uusitalo H. Income Distribution and Redistribution in the Nordic Welfare States. *Int. J. Sociol.* 1990. Vol. 20. No. 3. 1992. P. 69–91.
20. Perkins D. [Legality, Family and the Asian Way of Business]. In: [Culture Matters: How Values Shape Human Progress]. Moscow : Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2002. P. 206–220 (in Russ.).
21. Hatch W., Yamamura K. Asia in Japan's Embrace. Building a Regional Production Alliance. Cambridge : Cambridge University Press, 1996.
22. Myrdal G. Asian Drama: An Inquiry in to the Poverty of Nations. *Austrian Q.* Vol. 40, № 4. P. 118–121. DOI: 10.2307/120634250.
23. Ohmae K. The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies. New York : The Free Press, 1995.
24. Lutokhina E. A. [The Economic System of Society: Structure, Social Orientation, Belarusian Model]. Minsk : Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, 2003 (in Russ.).
25. Nevskii S. I. [Alfred Muller-Armak. Introductory Article and Selected Text: Proposals for the Implementation of the Social Market Economy (1948)]. In: [World Economic Thought. Through the Prism of the Centuries] : collect. monograph : in 5 vols. Moscow : Mysl', 2004. Vol. 4 : [The Age of Global Transformations]. P. 304–314 (in Russ.).
26. Lutokhina E. A. [Macroeconomics: Socially Oriented Approach]. 2nd ed. Minsk : IVTs Minfina, 2010 (in Russ.).
27. Kovalenko S. A., Mal'gina T. A. [What Kind of the Country's Development Model will Belarusians Choose?]. *Trud. Profsoyuzy. Obshchestvo.* 2013. No 4 (42). P. 19–24 (in Russ.).
28. Zelenkov A. [Globalization as a Socio-cultural Challenge of the Modern Era]. In: [Belarus – XXI century: national, cultural and spiritual development]. Minsk : Francisk Skaryna National Scientific Educational Center, 2004. P. 45–64 (in Russ.).
29. Huntington S. [The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century]. Moscow : ROSSPEN, 2003 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 28.10.2017.
Received by editorial board 28.10.2017.